

ХЛЕБ ДЛЯ НАШИХ

Деревня наша была маленькая — всего 23 дома, окруженных со всех сторон лесом и глубокими оврагами. Наш дом был крайний от леса.

Осенью 1941 года в нашей деревне и соседних населенных пунктах хозяйничали немцы. Днем они ходили по домам и разыскивали коммунистов, партийных руководителей и партизан. Грабили местных жителей, забирая у них хлеб, кур, свиней и теплые вещи. Не желающих расставаться со своим имуществом, били прикладами винтовок, закрывали в холодных сараях и погребах. С раннего утра и до позднего вечера с разных концов деревни доносились крики, стоны, плач людей, визг и рев забиваемых домашних животных. И только вечером, когда опускались ранние сумерки и плотная кромешная тьма окутывала землю, в деревне воцарялась полная тишина. Настрадавшиеся за день люди, не зажигая света в жилищах, тихо ложились спать. Мы, продрогшие за день, испуганные дети, жуя скудный ужин, залезали на ночь на полати теплой русской печки.

В один из таких промозглых ноябрьских вечеров к нам в окошко дома, со стороны леса, осторожно постучали. Мы, омертвевшие от страха, притихли. Мама велела всем молчать и не подавать признаков жизни. Но стук настойчиво повторился во второй, а потом и в третий раз. Мама вышла в сени и дрожащими руками отперла дверь. Несколько минут за дверью слышался приглушенный мужской голос. Затем мама вернулась в горницу, быстро собрала в узелок все, что попало под руку съестного в доме, и вынесла за дверь. Вернувшись в дом, тихо сказала: «Не бойтесь — это НАШИ».

Не ложась спать, мама замесила муку и стала готовить тесто. Мы дружно удивились — ведь у нас еще оставался заготовленный с прошлой выпечки хлеб, и спросили ее: «Зачем печь новый хлеб, когда он у нас еще есть?» Мама строгим тоном ответила нам: «Спите, так надо!»

Утром мы проснулись поздно, за окнами уже было светло. Мама доставала из печи круглые с румяной коричневой корочкой душистые караваи хлеба и прятала их в сундук, прикрывая нашей одеждой. На столе оставила только две маленькие буханки для запаха, чтобы он нас не выдал. Затем мама строго сказала нам, что мы заболели корью и нам нельзя выходить на улицу и общаться с другими детьми. А еще велела нам весь день по очереди лежать на сундуке и «болеть».

Весь день мама очень волновалась и не находила себе места. Всем, кто подходил к нашему дому, говорила, что мы заболели корью. Когда стемнело, в окно со стороны леса снова постучали. Мама пошла и открыла дверь. Вошли несколько взрослых небритых мужчин в советской военной форме. Они сложили еще не успевший остыть хлеб в армейские вещевые мешки и бесшумно растворились в темноте за дверью. Так повторялось еще несколько раз с небольшими перерывами. И мы уже знали для кого по ночам печет хлеб наша мама — «ДЛЯ НАШИХ». Это была наша самая большая военная тайна.

МАРУСЬКА

Незадолго до изгнания немцев из нашей деревни, зимой 1941 года, помимо всего прочего — хлеба, птицы, овец, свиней, теплых вещей и т.п., оккупанты стали забирать у местных жителей и коров — сельских кормилец. Нашу коровушку-трехлетку звали Маруська. Мы были с ней ровесники. Ее купили в 1938 году, в этом же году родители построили новый дом и родили меня. Наша Маруська была красавицей черно-белой масти. Голова у нее была целиком белая, а по бокам, животу и хребту растекались черные пятна.

Два здоровенных немца вывели Маруську со двора и погнали к речке, чтобы забить ее на мясо. Мы, детвора мал мала меньше, полураздетые на морозе, с громким плачем, спотыкаясь и падая в снег, бежали за ними, цепляясь за Маруську. Немцы угрожающе кричали, отталкивали, пинали нас сапогами, но мы поднимались и снова нас-

тойчиво, словно слепни, липли к нашей короле. Маруська громко мычала, бодалась, пыталась вырваться, но цепкие руки фашиста крепко держали ее. Мама тоже громко кричала, но не столько от потери кормилицы, сколько из-за страха за нас. Она бежала за нами, звала домой и пыталась оттащить нас от коровы, опасаясь за наши жизни, боялась что немцы нас расстреляют. На наши крики сбежались почти все жители деревни, плотным кольцом окружили эту громко голосившую процессию. Всеобщий плач и вой огласил окрестности. Немцы, с трудом удерживая корову и размахивая автоматами, пытались разогнать толпу, грозили расстрелять всех жителей, а деревню сжечь. Уже темнело. Но люди не расходились. Тогда немец, державший вырывавшуюся, что есть мочи Маруську, настороженно поглядывая на ближайший лес, отдал повод моему старшему брату Алексею и приказал всем быстро расходиться по домам. Так общими усилиями мы отстояли нашу Марусеньку. А немцев в скором времени прогнали НАШИ.

Маруська прожила с нами еще девять лет. Мы все ее любили и берегли как зеницу ока. Мама с гордостью всем говорила: «Наша Маруська мне детей выкормила!»

Некоторые, когда рассказываю этот случай, мне не верят, что я помню войну и события, случившиеся со мной и моими близкими тогда. Но цепкая детская память, как на сайте, запечатлела потрясшие детскую душу образы далекого прошлого и хранит их вот уже долгие семь с лишним десятилетий.

Давно нет с нами нашей дорогой незабвенной мамы — хрупкой нежной трудолюбивой русской женщины, овдовевшей в тридцать лет и отдавшей нам, ее четверым детям, всю себя без остатка. Нет уже в живых и моих старших братьев Алексея и Владимира. Прекратила свое существование и наша маленькая прекрасная деревенька по имени Чудненки (от слова чудная). Она, как и мы, пережила фашистское нашествие, но погибла, как и тысячи подобных ей российских деревень от рук отечественных реформаторов.